

Между «нормально» и «хреново»

О некоторых особенностях российского бытия: «усиленно работать», «не говорить лишнего» и «похер»

Петр Саруханов / «Новая газета»

10:31, 30 апреля 2024,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

*Мне нож по сердцу там, где хорошо,
Я дома там, где херово.*

Б.Г*. «Последний поворот»

«Российский человек» — это, безусловно, образ собирательный, в чистом виде не встречающийся. Идея или же «мифологема» — как сказали бы представители символического анализа. Но что сильнее всего правит людьми, задает им паттерны и гипнотические установки, как не идеи и мифологемы? Что есть так называемая «объективная реальность», как не рекламный набор идей и образов, заброшенный в поток материальных ощущений и языковых особенностей? И если изучать содержимое этих идей и образов, то в некоторой мере хорошо бы использовать и тот языковой символизм, через который они воплощаются. Пусть даже это будет далеко не философский, не академический символизм.

«Российский человек» имеет два базовых онтологических состояния сознания и психики: когда «нормально» и когда «херово». В первом случае он не представляет собой ничего интересного и является довольно поверхностным, мелкопроизводительным и материалистическим существом — вне зависимости, называет ли он себя человеком «верующим» и «воцерковленным», или нет. Существует весьма меткое определение «нормального российского человека», высказанное известным куратором «русского мира» г-ном Сурковым. В оригинале оно выражено в лексике ненормативной, а потому здесь мы приведем его с использованием цензурных аналогов. По данному определению, «российский человек» в своем «нормальном» состоянии характеризуется тем, что: «усиленно работает» и «не говорит лишнего». Когда же приходит трудный час, поднимается, чтобы сокрушить всех врагов, — а после полной победы опять «усиленно работает» и «не говорит лишнего».

* * *

«Нормальное» повседневное российское бытие неплохо отразилось в работах недавно прошедшего конкурса региональных журналистов. Из самых разных мест приходили описания жизни страны и ее людей. Около сорока текстов и видеосюжетов. Общее впечатление от представленной картины: монотонно, без надежды, без искры. Замкнутый круг повторений, конвейер. Как будто жизнь дана для того, чтоб ее как-нибудь перетерпеть. Потребность любить и сочувствовать еще не оставила некоторых из этих людей — и тогда они помогают друг другу. Или животным. Животным чаще, чем друг другу.

Больная брошенная собака с несчастными глазами воплощает образ их собственного существования. И нет для них образа более близкого и понятного.

Абсолютное здесь и сейчас, без будущего, без мыслей о переменах. А над всем этим тянется, как черная линия электропередач над пустой дорогой, — холодное и пугающее Государство.

Алексей Душутин / «Новая газета»

По недоразумению или же по специальному умыслу кураторов «нормальное» состояние российских людей отождествлено с понятием «глубинного народа» — что является совершенно не соответствующим семантической сути понятия «глубины». Ибо это понятие указывает на наличие некоего онтологически-сущностного измерения и содержания — тогда как в своем «нормальном» состоянии российский человек онтологически пуст и лишен вообще каких-бы то ни было измерений. Он способен заполняться практически любым содержанием, если оно будет исходить от авторитетных и гипнотически убедительных кураторов. Что, разумеется, только на руку последним. Потому они так старательно и убеждают российского человека, что «нормальное» состояние и есть его «глубинное» и «сущностное».

Впрочем, можно допустить, что по-настоящему «глубинное» и

«сущностное» начинает проявляться лишь тогда, когда «нормальному» российскому человеку становится «херово». Причем «херово» должно быть не ситуативным и кратковременным, а осознанно безнадежным и тотально бессрочным. Возможно ли, что весь уникальный творческий, моральный и политический потенциал российского человека раскрывается исключительно в «херовом» состоянии?

Не стоит оптимистично полагать, что переход в «херовый» режим по умолчанию и гарантированно запускает процесс пробуждения из бессубъектной «нормальности».

Ибо «нормальность» обладает очень высокой степенью самосохранения и весьма успешно сопротивляется переменам.

В связи с этим люди творческие, морально и политически активные так часто испытывают сильные разочарования. Они ожидают, что очевидные невзгоды и ухудшение дел, выпадающие «народным массам» как главным носителям «нормальности», — вот-вот и дадут революционный эффект. Однако этого все же не происходит.

Дело в том, что на «жестком диске» российской «нормальности» есть своего рода программа безопасности, что работает на предотвращение какого бы то ни было рода революционных сдвигов сознания. Эта программа почти автоматически включается при переходе индивида, социальной группы или даже всего общества в «херовый режим». В российском лексическом дискурсе программа имеет понятное и устойчивое определение: «похер». Действует примерно так: да, нет сомнений, что «херово», но — «похер», а потому в итоге —

«нормально».

Сложно сказать, с чем именно связана устойчивая позиция феномена «похер». Философ Николай Бердяев предполагал, что здесь наличествует естественная связь с природным фактором, с «бескрайностью русской равнины», в протяженности которой без следа и без сожаления теряется всякий объект. Нынешние психологи, например, Литвинова и Гронский, утверждают, что причина в репрессивном характере российского государства, под многовековой властью которого вырабатывалось передаваемое посредством социально-культурного кода чувство полной беспомощности, замещаемое на более комфортное чувство полного безразличия.

Так или иначе, но программа «похер» срабатывает всякий раз, когда старая, еще византийской выделки картина российского мира начинает давать трещины и сыпаться. И срабатывает так эффектно, что, потрескавшись и посыпавшись, — эта картина возвращается тем не менее на свое прежнее место. Кураторы реставрируют и драпируют поврежденные места на свой привычный византийский манер, а ожидавшиеся перемены повисают несбывшимися утопиями. Можно ли говорить, что российский человек доволен таким уже столько веков повторяющимся исходом? Ни да и ни нет. Ему «похер».

Но в общем-то российский человек вполне удовлетворен своим безразличием. В каком-то смысле даже гордится им. Некоторые даже усматривают в нем своего рода стоицизм, «духовную стабильность».

Как из романа «Generation «П» в известном рекламном слогане: «Лефортовский кондитерский комбинат: спокойный среди

бурь». Да — исчезают надежды, начинаются военные конфликты, запрещаются имена и книги, приходят в запустение города, но — «похер». Разве нет в этом некоего величественного потустороннего покоя — покоя смерти?

Алексей Душутин / «Новая газета»

Как мы говорили, «русский человек» — это образ собирательный, т.е. «собранный» из коллективного социального бытия. Упомянутые свойства его также относятся к измерению коллективному. И вполне очевидно, что эти свойства обращают русское коллективное бытие к повторению все одного и того же сценария, к нормализации известного круговорота. А пишет этот сценарий как будто одна и та же рука — рука русской власти, желающей стать абсолютно неуязвимой и необсуждаемой. Нет даже особой разницы, когда она его пишет, — в XV или же в XXI веке. Текст, по сути, один и тот же.

Но если было бы только это — российская история представляла бы собой некий исключительный гротеск, неподвижное темное царство, воплощенную антиутопию. А российский социум был бы тогда эталоном закрытой иерархической диктатуры, где господа и слуги всегда занимают одни и те же свои места. Иногда так действительно и кажется. И даже весьма просвещенные умы, наподобие Чаадаева, не видят просвета.

Но если бы только это — невозможными оказались бы те проявления антисистемного искусства, свободной мысли и мужественной протестной этики, которые в российской истории весьма и весьма хорошо представлены. Невозможным бы оказался тогда и сам Чаадаев.

И российский социум не выплескивал бы из себя десятки, а порой и сотни тысяч неуживчивых граждан, выходящих на улицы — а в последнее время и на кладбища, — готовых скорее рискнуть своей безопасностью и здоровьем, чем молчаливо терпеть известный сценарий и его кураторов.

В общем, все эти состояния души и ума: «нормально», «херово», «похер», — ими далеко еще не исчерпывается тот исторический феномен, который зовется «российским бытием». Вероятно, что эти состояния по самой природе своей больше относятся к «небытию», чем к «бытию». Поверхностные, внутренне пустые состояния. А значит, следует поискать в «российском человеке» нечто более субстанциональное. По-настоящему «глубинное». Чем и займемся.

* Внесен властями РФ в реестр «иностранных агентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Гуманисты и патриоты](#)

В чем разница между философиями, которые определяют конфликт вокруг человека

13:55, 26 января 2024, Роман Шамолин